

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Безруков А.Н. — Объективация смысловых констант в прецедентном тексте («Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева) // Филология: научные исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.5.39691
EDN: CTNBGK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39691

Объективация смысловых констант в прецедентном тексте («Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева)

Безруков Андрей Николаевич

ORCID: 0000-0001-7505-3711

кандидат филологических наук

доцент, Уфимский университет науки и технологий (Бирский филиал)

452455, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 120-В

✉ in_text@mail.ru

[Статья из рубрики "Постмодернизм"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.5.39691

EDN:

CTNBGK

Дата направления статьи в редакцию:

30-01-2023

Аннотация: Творчество Венедикта Ерофеева в должной степени изучено, интерпретировано, однако, еще есть ряд текстов, которые практически не исследовались в массе критических источников. Одним из прецедентных конструктов, оригинальным и самодостаточным произведением является «Моя маленькая лениниана» (1988). Следовательно, целесообразность изучения указанного текста мотивирована, востребована и актуальна. В статье осуществлена попытка целостного восприятия «Моей маленькой ленинианы» Вен. Ерофеева с позиций выявления в данном произведении примет прецедентного конструкта. Цитатный характер, на наш взгляд, говорит о стремлении автора не только формально соединить текстовые номинации из сочинений, писем, дневников В.И. Ленина, но достичь эффекта имманентной объективации нового смысла. Основной предмет анализа работы – конструктивные особенности «Моей маленькой ленинианы» Вен. Ерофеева, дешифровка механизма художественного письма, оценка смысловых граней произведения. Прецедентный текст Вен. Ерофеева становится точкой конкретизации основных культурно-исторических догматов, при этом

динамика смысловых констант подвижна с течением исторического времени. Новизна работы заключается в том, что «Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева рассматривается как прецедентный текст, сформированный из цитатных конструкторов, однако, обладающий иными смысловыми гранями отличными от первоисточника. Симуляция игры, симуляция пространственных и временных ориентиров, симуляция достоверной правды под воздействием уже кем-то сказанного нивелирует образ автора, он фактурно становится скриптором, создавая некий палимпсест. Субъектная организация ерофеевского палимпсеста выстроена так, что переход от временного начала, пространственной точки, цитаты вслед за «автором» осуществляется к более сильным и имманентным пропозициям. Венедикт Ерофеев пророчески обозначил в своей «Маленькой лениниане» контуры изменений конца XX века на фактурном, прецедентном материале конца XIX – начала XX столетия.

Ключевые слова:

Венедикт Ерофеев, прецедентный текст, малая проза, дискурс, интертекст, поэтика, рецептивная критика, интерпретация, читатель, скриптор

Тема русской революции в художественной литературе на протяжении XX века по-разному получала свое точечное раскрытие. Ряд писателей боготворил эти события, идеализируя «февраль» и «октябрь» 1917 года, кто-то явно не признавал их, показывая ужас и несостоятельность, были и те, кто программно – в режиме схематической догматики социалистического реализма – создавали новую историю, может быть даже, новый исторический миф. Однако, вторая половина XX века, практически два последних десятилетия художественно объективировали правду относительного событий начала XX века. У читателя появился доступ к текстам, написанным по следам памяти о революционном периоде: ранее – это Максим Горький («Несвоевременные мысли»), И.А. Бунин («Окаянные дни»), А.Т. Аверченко («Маленькая Лениниана»), М.М. Зощенко («Рассказы о Ленине»), далее – А.И. Солженицын («Ленин в Цюрихе», цикл «Красное колесо») и т.д.

Следует признать, что революция знаковое явление в истории России. Ее последствия отзвуком сыграют на весь ход социальных, экономических, религиозных, исторических процессов всего XX века. Безусловно, в этом историческом круговороте будет меняться социум и человек. Участь героев и февральской, и октябрьской революций неодинакова. И все же ведущий или главный персонаж революционного движения начала XX века – Владимир (Ульянов) Ленин. Он остается полисемичным символом для поэтов, драматургов, писателей-прозаиков, публицистов. Думается, что художественно верифицировать данный образ достаточно сложно, ввиду ситуативных обстоятельств, очень многое с течением времени остается спорным, противоречивым, порой недостоверным. Однозначной рецептивной ^[4] трактовки достичь также не получается – мешает разность целевых, художественно-эстетических задач, недостаточность позиций современников «революционного лидера». Но и большая Лениниана, и Лениниана малая все же создаются. Авансценой выступает холст, скульптурная группа, формат языка.

Вначале следует, на мой взгляд, сопоставить две формы Ленинианы. Если сферический статус большой Ленинианы ориентирован на изображение Владимира Ильича Ленина в мировом масштабе, в режиме претворения очарований от его фигуры и активной деятельности на благо советского человека, то малая Лениниана приобретает иные контуры своего выражения. В ней порой, снижая или нивелируя статусность, авторитет

Владимира Ленина, точно разбирая мелочность и незначительность его поступков, его реплик, языковых клише, срачиваясь финально с мыслью асоциального порядка о полной абсурдности и неправильности, как его действий, так и вообще революционных преобразований в стране. В русле контраста, альтернативой подобной оценки и является литературно-художественная компиляция, пародийно-иронический, комически-трагедийный пастиш Венедикта Ерофеева «Моя маленькая лениниана» [7, с. 217-236].

Текст ерофеевской «Ленинианы» был написан для русскоязычного, литературно-публицистического, религиозного журнала «Континент», который до 1992 года издавался во Франции. Журнал был ведущим изданием «третьей волны» русской эмиграции. Венедикт Ерофеев, получив персональный заказ от издательства, завершил подготовку текста 6 февраля 1988 года (70-летний юбилей перелома русской истории). Как свидетельствуют дневниковые записи и воспоминания друзей помимо «Ленинианы» у Вен. Ерофеева был замысел создания подборки цитат из биографий Карла Маркса и Фридриха Энгельса, но эта работа так и не была закончена. Сразу хотелось бы отметить, что форма, которую избирает для себя автор, является не столько набором связных, буквальных цитаций, клише и фраз речи. В данном случае, на наш взгляд, целесообразно предположить, что Вен. Ерофеев таким способом как бы замещает буквально фигуру «говорящего» – «пишущего» на роль игровой маски оценивающего. Подобные эксперименты были характерны [2] для Вен. Ерофеева [8], он практически всегда был неким сторонним наблюдателем за реальностью, созерцателем действительности. Взгляд со стороны настолько центричен у Венедикта Ерофеева, что такая манера миропонимания отчасти объясняет и особую стилистическую игру Ерофеева с языком. Сложно говорить о том, что это некий новаторский прием, потому что и Античность, и Средние века, и Новое время, и тем более XIX – XX век вводили фрактал замещения собственно своего на чужое. Можно нарочито встретить операцию подобной субституции у А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Д.С. Мережковского, А.И. Куприна, Л.Н. Андреева, Е.И. Замятина, М.А. Зощенко, Б.Л. Пастернака и других писателей. Но литературный фокус замещений генерируется у Венедикта Ерофеева в сингулярный эстетический код, формируется прецедентный [9] феномен, обладающий уникальным, неповторимым смыслом.

«Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева строится как полновесный художественный эксперимент, где мыслями другого создатель авторизирует рецепцию [14] происходящих исторических и революционных событий. Для постмодернизма [5], к которому и следует относить наследие Вен. Ерофеева, подобная форма уместна и вполне аргументирована. Симуляция игры [1], симуляция пространственных и временных ориентиров, симуляция достоверной правды под воздействием уже кем-то сказанного нивелирует образ автора, он фактурно становится скриптором, создавая некий палимпсест. Наслаивая базис цитат по хронологии разверстки фактов – дается оценка/объективация реальных исторических событий под углом креативного, комически-трагедийного толка. Целесообразно в данном случае говорить о метатезисе настоящего/действительного и образного/эстетического. Автор сознательно строит подобный диалог в рамках лексически коннотативной дисперсии. При этом основное значение замещается контекстуальным, контекстуальное приращивает рецептивно-читательское.

«Лениниана» Венедикта Ерофеева есть законченное произведение, имеющее явный, целевой эстетический, идейно-нравственный обертон. Структурно текст Венедикта Ерофеева членим на ряд обязательных нарративных [10] составляющих: эпиграфы,

начало текста, основной текстовый блок, заключение. Все в ерофеевской «Лениниане» имеет признак музыкальности, озвучивания, провозглашения или манифестации. Автор компилирует цитаты соразмерно смысловой разверстке относительно главной фигуры – Владимира Ленина. Для Вен. Ерофеева является необходимым соблюсти хронологию действий героя, динамику повествования, объективность и индивидуальность образной системы, начально комичность, финально трагедийность. Итоговым результатом текста становится разрешение художественной коллизии, которая разоблачает героя, позволяет читателю изменить мнение о магистральной фигуре национальной истории XX века. Следует закрепить мысль, что коннотативные ряды меняют свой вектор контекстуально, деструкция образа происходит в момент замещения номинативной фигуры образом говорящего. Таким образом, Венедикт Ерофеев, соединяя клише и штампы, цитаты и речевые обертоны логически связывает свой текст в редуцированную форму художественного осмысления реалий.

Образ Владимира Ленина, получился у Венедикта Ерофеева настолько фактурным, что его достоверность у читателя не вызывает каких-либо сомнений, хотя начально такое впечатление все же есть, ибо в «Лениниане» наблюдается смешение характерных черт основной фигуры/образа, или точнее генезис саморазрушения исторической личности. Текстом эстетически манифестированы крайности оценок бытия, дан персонифицированный взгляд на происходящее, но сделано это глазами «устроителя». Если в начале мы видим образ Владимира Ленина сатирически выстроенным, свидетельством тому, произносимые им фразы типа: «Париж – город громадный, изрядно раскинутый» [7, с. 220]... то к финалу сатира, ирония нисходит на трагедийное: «И без шуток: «Если после выхода советской книги ее нет в библиотеке, надо, чтобы Вы (и мы) с абсолютной точностью знали, кого посадить» [7, с. 231]; «Все театры советую положить в гроб» [7, с. 233]; «Мы еще не умеем гласно судить за поганую волокиту. За это весь Наркомюст надо вешать на вонючих веревках...» [7, 233]. К концу повествования герой доведен до крайности уничтожения и гибели. Фактически криком доносятся реплики: «Прошу немедленно поручить НКИнделу запросить визу для въезда в Германию Глеба Максимилиановича Кржижановского и его жены Зинаиды Павловны Кржижановской. Речь идет о лечении грыжи. С коммунистическим приветом. Ленин» [7, с. 234]; «Я должен тыкать носом в мою книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может» [7, с. 235]; «Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен, и сильно болен. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сошлем его в санаторий» [7, с. 235]; «Не можете ли Вы распорядиться о посадке цветов на могиле Инессы Арманд?» [7, с. 236]. Следовательно, персонаж пережил стадийность своего взросления (от начальной точки подъема до низвержения). Венедикт Ерофеев не случайно начинает повествование с определения границ своего текста, а также уточнения и всей концепции: «Ну а теперь к делу. То есть к выбранным местам из частной и деловой переписки Ильича с того времени, как он научился писать, и до того (1922) времени, как он писать разучился» [7, с. 220].

Приемами криптографии, которыми активно пользуется Вен. Ерофеев, достигается эффект невозможности исказить аутентичный текст В.И. Ленина. Именно цитата, но без кавычек, без искажения смысла сказанного, верифицируется читателем как оригинал. При этом допущение художественного вымысла в данном случае минимально. Возможное искажение образа не является сверхзадачей Ерофеева, в данном случае он номинация потенциально достоверная, ищущая истины и объективности. В одном теле-интервью А.И. Солженицын тезировал, что, работая над образом Ленина, «настойчиво собирал каждую

крупинку, воспоминания о нём, его истинных чертах. Я не приписываю ему никакой черты, которой у него не было. Моя задача – как можно меньше дать воли воображению, как можно больше воссоздать из того, что есть. Воображение художника помогает только спаять отдельные элементы и, войдя внутрь персонажа, попробовать объяснить, как эти элементы друг с другом связаны».

Венедикт Ерофеев как художник слова следует тем же принципам, которые традиционны для литературы, писательского мастерства, он просто не может искажать, видоизменять, доводить все до абсолютного абсурда. Поэтика постмодернизма [\[12\]](#), конечно, разрушает привычность и обыденность, но точечная обработка фактов, деталей, скреп наррации [\[13\]](#), деликатность ведения диалога с потенциальным читателем есть откровения, которые следует закрепить как базисные вообще для литературного труда, ибо доверие будет утрачено и потенциальная смысловая разверстка текста не произойдет.

Прецедентный текст Венедикта Ерофеева обдаёт рядом смысловых констант, каждая из которых может быть соотнесена с тем или иным эпизодом повествования. Нарочито звучат в начале палимпсеста «дамские» цитаты-эпиграфы, автор заимствует фразы у Надежды Крупской и Инессы Арманд. Коннотативная составляющая при процедуре манифестации контекстуально меняется: реальное замещается комическим, комическое абсолютизируется до трагедийного: «Все же мне жалко, что я не мужчина, а то бы я в десять раз больше шлялась» [\[7, с. 219\]](#). Для Вен. Ерофеева «пристойные» и «не вполне пристойные» эпиграфы лиц приближенных к Ленину говорят, на наш взгляд, о рациональной, живой, естественной, натуралистичной картине исторических событий. Безумие масс, формировалось под воздействием безумия фигур меняющих бытие.

В предыстории «Ленинианы» Ерофеев как бы сводит в единый центр крайние точки времени, автор уже в начале ориентирован на замещения себя как фигуры-сказителя на демиурга-созерцателя. Письмо, таким образом, формально дробится на сегменты, смысл которых далеко неоднозначен. Привлекает в «Моей маленькой лениниане» полновесный диалог автора и исторического лица – Ленина, автора и потенциального слушателя, автора и исследователя-реципиента. Кристаллизованная текстовая наличка конца XIX – начала XX века срабатывает в новых исторических условиях как провоцирующее начало. На первый взгляд за цитатной формулой проступает второй смысл, имманентный первоначально: «Ну а теперь к делу. То есть к выбранным местам из частной и деловой переписки Ильича...» [\[7, с. 220\]](#). В подобии данной речевой формулы Венедикт Ерофеев близок Н.В. Гоголю, к которому стремился для конкретизации прозаического и синкретического. Жанровый пиетет перед «мастером слова» наблюдается в «Записках психопата», «Москве – Петушках», «Вальпургиевой ночи».

Авторская концепция текста на протяжении модульного совмещения цитат практически не меняется, нет долженствования того, что можно произносить и того, что нежелательно. Вен. Ерофеев ракурсно преподносит фигуру Владимира Ленина. Он для скриптора противоречив, неоднозначен, реален, порой комичен, главное – действителен, абсурден, жесток, релятивен. Топографическое как ведущий фактор разрешения концептов особо прорабатывается автором. При этом учитывается не только хронос повествования, но и точечность нахождения фигуры, так как маркировка места дается максимально объективно: Европа, Швейцария, Женева, Германия, Мюнхен, Франция, Тиргартен, Париж, Санкт-Петербург, Советская Россия, Шушенское, Америка. Таким образом, контекст социального и бытового, личного и общественного позиционируется как современный для читателя. Узнаваемость не столько фактов, сколько мнений и суждений «от стороннего» создают оппозицию «он» (герой) – «он» (автор).

Местоименные формы «я», «мной», «меня», «мои» начинают работать в русле парцилляционной раскладки. Дробность фразы графически, формально порой не закреплена, но дифракция смысла очевидна: «А Митя? Во-первых, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-вторых, занимается ли он гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту знаю и скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) – 50 земных поклонов» [\[7, с. 221\]](#).

Ироничен и самокритичен к себе основной герой «Ленинианы». Советы брату Дмитрию Ульянову выглядят как наставления, например как тексты древнерусской литературы, в частности «Поучение Владимира Мономаха». Форма проповеди контрастирует с исторической коллизией конца XIX – начала XX века, смешением европейского сознания и ментальностью российского. Иронически усложняется ерофеевский текст также за счет нарочито звучащих признаний Владимира Ленина: «Я нашел, что Надежда Константиновна выглядит неудовлетворительно. Про меня же Елизавета Васильевна (потенциальная теща Ильича) сказала: «Эк Вас разнесло!» – отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо» [\[7, с. 221-222\]](#); «Европа после Шушенского, само собой, дерьмо собачье. «Глупый народ – чехи и немчура» [\[7, 222\]](#).

Сентенцией смысловых констант в «Моей маленькой лениниане» Вен. Ерофеева становится вероятностный диалог с уже сказанным. Апелляцией к Федору Достоевскому, Максиму Горькому, Ивану Бунину, Михаилу Зощенко происходит мнимость реализации приема травелога. Путешествие как таковое превращается в реверсивную форму принятия истинности и правды жизни. Для Венедикта Ерофеева ужасом звучат ленинские фразы: «Я вовсе не нахожу ничего смешного в заигрывании с религией, но нахожу много мерзкого» [\[7, с. 222\]](#), «Все. Февральский переворот в России. Ленин: «Нервы взвинчены сугубо нужно скакать, скакать» [\[7, с. 224\]](#), «Аресты, которые должны быть произведены по указанию тов. Петерса, имеют исключительно большую важность и должны быть произведены с большой энергией» [\[7, с. 225\]](#), «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотят ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы их удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Надо поощрить энергию и массовидность террора!» [\[7, с. 225\]](#). При манифестации подобного, на уровне лексики, точно сведены в единый, концептуальный узел быт, политика, судьбы людей, законы динамики всего социума, патетическое и трагедийное. Смысловые лакуны заполняются явной фальшью и обманом, нарастание некоего онтологического недовольства растет в прогрессивной динамике. Выстраивая текст по принципу доведения до абсолюта, Венедикт Ерофеев как бы предугадывает гибельность лидера революционного движения. Сказать, кроме «Будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще» [\[7, с. 226\]](#), «Повсюду надо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов» [\[7, с. 226\]](#), «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» [\[7, с. 226\]](#), «Надо напрячь все силы, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п. Ни минуты промедления» [\[7, с. 226\]](#), «Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских взяточников и спекулянтов. С этой сволочью надо

расправиться так, что бы на все годы запомнили» [\[7, с. 226\]](#), «Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» [\[7, с. 227\]](#) уже просто нечего. Таким образом, комическое и ироническое повествование трансформируется из легкой эвлогии в трагедийную пародию с элементами меланхолии. Венедикт Ерофеев не может саркастически говорить об этом, он утонченный наблюдатель, его интерес в вероятностном разоблачении исторического лица, даже точнее в объяснении и уточнении правды описываемых событий.

Формирование смыслового поля «Моей маленькой ленинианы» Венедикта Ерофеева заключается в констатации изменений, которые происходят с главным лицом текста – Владимиром Лениным. Переход от реально-исторического к комическому, а далее и трагедийному поддерживается условным диалогом с Максимом Горьким, Иваном Буниным, Александром Солженицыным. Тематика текста представляет собой комбинаторную бесконечность сказанного. Цитатный языковой пласт «Ленинианы» есть пастиш и стилизация, символика и языковой эксперимент, который ограничен фразами «настоящего», «произносимого», «зафиксированного». Некая пространственно-временная миграция главного образа не только мотивирует слово/фразу, сколько манифестирует правду естественной жизни. Венедикту Ерофееву удастся слить в единый монолит форму, разность жанров, сюжетику, нормативно-поэтический язык. Следуя принципам постмодернизма [\[12\]](#), автор собственно «чужое» трансформирует в нарочито «свое». Не меняя конструкт мысли, он слагает принципиально другой текст, текст современный и актуальный для потенциально «нового» читателя. Именно язык [\[11\]](#) становится фактором замещения, именно язык обеспечивает новый поворот коннотаций. При учете требований постмодернизма, игра с означиваниями становится явной формой конкретизации смысла. В данном случае, говорящий не есть буквальная, риторически выведенная фигура, Вен. Ерофеев экспериментирует с обломками реплик, он строит мозаику художественной многомерности. Внимание на язык В.И. Ленина – есть генерализация модусов рецепции. Критический взгляд разрешает при этом и комбинаторику мысли.

Стилистика анализируемого текста может быть оценена как синтетическая. Совмещая разные пласты [\[6\]](#) языка – разговорный, публицистический, официально-деловой – Вен. Ерофеев создает все же художественное полотно. Пред читателем не канцелярский язык, который лишь фиксирует фразы-формулы, знакомство идет по вектору эстетического. Комбинаторика «Моей маленькой ленинианы» прослеживается на всех уровнях языка, но в большой степени это проявляется в лексике и синтаксисе.

Ситуация жизнеподобия поддерживается точечными временными рубежами – 1889, 1895, 1896, 1898, 1899, 1900, 1907, 1908, 1909, 1910, 1912, 1914, **1915, 1917, 1918**, 1919, 1920, **1921, 1922**. При этом автор сознательно выбивает ряд периодов, которые являются знаковыми для конкретизации образа Ильича. События 1917, 1918, 1921 и 1922 годов – ключ для понимания нарождающегося безумия в сознании главного персонажа. Революционный сбив, новая точка динамики жизни меняют психотип Ленина. Они как бы подвергают личностной переоценке все: религию, строй, отношения, планы, мнимую дружбу, любовь, искусство, политику, власть. Для Ленина настоящее замещается вымыслом, страстью и желанием.

К началу 1920-х годов слышим явные псевдопатриотические лозунги, наигранные манифесты, слоганы, мысли вслух. Реакция на движение истории притупляется, интуитивная догадка нивелируется, все больше звучит патологический крик на фоне депрессии и сумасшествия. Ассоциативный ряд к финалу текста настолько сферичен, что

вырванные из контекста цитаты самодостаточны. В них память об успехах, мечтах, страстных желаниях, лицах. Венедикт Ерофеев заканчивает текст музыкально, одновременно с этим максимально трагедийно: «И в заключение – два негромких аккорда. Первый из них вызывает слезы, второй – тоже» [\[7, с. 236\]](#).

Заключительной смысловой константой становится фактурный переход от возвышенного до низового. Постмодернистский бриколлаж таким образом реализует авторский код, скриптор импровизирует и в области онтологического. Вслед за автором читатель уже не понимает однозначно где «своя» интенция, а где «чужая». Способ мышления при этом достигает имманентного колебания между личным / индивидуальным – общим / концептуальным. Модель Вен. Ерофеева близка в русле такой динамики мифологическому конструкту, который синкретически совмещал реальное, вымышленное, историческое, религиозное, интуитивное, социальное, художественное, эстетическое. Импровизация, спонтанность механистический догмат языковой правды Ленина превращают в живой, естественный речевой поток. Думается, что подобная процедура близка точечному, купюрному слогу или дискурсу [\[3\]](#), то есть речи в действии, речи в условиях объемной, мультikonфигуральной коннотативной правке. Читатель, отрываясь от собственно авторского текста, дешифрует смысловое поле дальше.

Следует заметить, что отобранный и обработанный Венедиктом Ерофеевым лексикон Ленина закрепляет устойчивость свое существования в литературной среде. Обращаясь к теме октябрьской, февральской революций, в целом 1917 году писатели, например Виктор Пелевин (рассказ «Хрустальный мир»), маску подobia, маску замещения будет строить в схожем ритме наррации. Февральский переворот в России есть начало изменений, которые долгое время были манифестированы в догматике «как надо», а не «как есть». Эксперименты последних двух десятилетий XX века момент «до» и фактор «после» рисует иначе, но, что важно, без принципиальных искажений правды – вспомогателем верификации достоверностей в данном случае является полное собрание сочинений Ленина. В литературе второй половины XX века снимается эстетизация фигуры «лидера Революции», образ создается на уровне диалога позиций, в коммуникативной цепи согласия/несогласия. Думается, что Ерофеев один из первых, кто смог достичь подобного. Ведь начало «Моей маленькой ленинианы» допускало «пристойность», «выборность», «сердечность», «чувственность», «поэтичность» Ленина: «Я еще в Красноярске стал сочинять стихи: В Шуше, у подножия Саяна... но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил» [\[7, с. 221\]](#). Исследовательская база допускает приращение смысла, но строго следуя тексту.

Субъектная организация ерофеевского палимпсеста выстроена так, что переход от временного начала, пространственной точки, цитаты вслед за «автором» осуществляется к более сильным и имманентным пропозициям. Психофизика жестокости, безумия, вседозволенности, отсутствия человечности сознательно или бессознательно проявляются в речи Ленина, его дискурсивная практика выводит к маске генерализации клоунского, бутафорского: «Я могу одеть парик» [\[7, с. 225\]](#).

Таким образом, сильные позиции текста высвечиваются полностью только после целостного восприятия. В русле претворения единого замысла по другому работают и пары «дамских» эпитафий в начале, и перспекция сюжета в основном блоке, и рождение горизонта ожидания к финалу. Главный образ – образ Ленина, создаваемый Венедиктом Ерофеевым есть не столько видимость, условность, сколько полновесная фигура. Целевой эстетической установкой автора было, по всей видимости, создание редуцированной формы дистанции между демиургом (всезнающей фигурой) и

трикстером. Наблюдение за происходящим – за событиями начала XX века, за динамикой изменений образа «революционного борца» – сложилось рецептивной комбинаторикой его заглавных персонажей, рождением маски стороннего созерцателя.

Метафизика «Моей маленькой ленинианы» Венедикта Ерофеева в синтезе несоединимого, а порой замещении комического на трагедийное, социального на личностное. Прецедентный текст Ерофеева в итоге становится точкой конкретизации основных культурно-исторических догматов, при этом динамика смысловых констант подвижна с течением времени. Образ Владимира Ленина получился достоверным, точным, правильным, не лишенным изъянов, отчасти какой-либо человечности. Не получилось и идеальности фигуры, что явно контрастирует с оценками социалистического реализма, стандартизацией портрета, лица. Но именно абсурд происходящего выбил, как видим в купюрной раскладке, Ленина из революционной борьбы, подвел к болезненной черте. На смену, понимаем далее, придет новый государственный аппарат, новый Совнарком, новые фигуры истории, новые образы. Мифологемой уже будет звучать в литературных текстах имя Ленина, проекция игры постоянно будет наращивать потенциал сказанного.

Конечно, ерофеевский текст в большей степени попытка обыграть номинацию фигуры, но, мастерски проработав языковой состав, автор итогом получил конструкт эстетической наполненности. Читатель, приобщаясь к реально произошедшим фактам, но как бы со слов Венедикта Ерофеева, расширяет для себя мировоззренческий комплекс, миропонимание событий ушедших эпох. И все же главный тезис, который не мог не произнести автор, сводится к тому, что грани человеческой жизни конечны, предельны и человеческие поступки, действия так или иначе будут полярно оценены последующими поколениями. В первую очередь общество должно помнить свою историю, знать срезы своих социальных, политических, религиозных, философских уровней, ибо без диалога, грамотной оценки и анализа не получится динамично следовать к правде жизни.

Венедикт Ерофеев пророчески обозначил в своей «Маленькой лениниане» контуры изменений конца XX века на фактурном, прецедентном материале конца XIX – начала XX столетия. Множественность догадок и предпосылок сработало в формате эстетического продукта, который был мастерски и концептуально сконфигурирован блестящим художником слова.

Библиография

1. Барт Р. Нулевая степень письма / Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2008. 431 с.
2. Безруков А.Н. «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева как синтез интермедийных кодов // Филология: научные исследования. 2017. № 4. С. 106-115. DOI: 10.7256/2454-0749.2017.4.24164
3. Безруков А.Н. Иерархия художественного дискурса // Litera. 2017. № 2. С. 45-53.
4. Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход. СПб.: Гиперион, 2015. 298 с.
5. Безруков А.Н. Экзистенция постмодернистского текста в условиях метанарративного абсолюта // Никоновские чтения : Электронный сборник научных статей по материалам III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой), Чебоксары, 20 апреля 2018 года / Под редакцией А. В. Никитиной. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет

- им. И.Я. Яковлева, 2018. С. 6-13.
6. Белов А.М. О лингвистических методах в общей филологии: случай интертекстуальности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 4. С. 50-63.
 7. Ерофеев В.В. Собр. соч.: в 2-х т. Т.2. М.: ВАГРИУС, 2001. 383 с.
 8. Ерофеев Вен. Малая проза. М.: Захаров, 2005. 96 с.
 9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
 10. Тюпа В.И. Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т.19. № 1. С. 29-44. DOI 10.21638/spbu09.2022.102
 11. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
 12. Bezrukov A.N. Intertextuality reception in postmodernist discourse // East European Review. 2017. Vol. 8. No 2. P. 263-271. DOI 10.31648/pw.3585.
 13. Kristeva J. Narration et transformation // Semiotica. The Hague, 1969. No 4. P. 422-448.
 14. Jauss H.-R. Aesthetic experience and literary hermeneutics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 357 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Объективация смысловых констант в прецедентном тексте («Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду важности обращения к теме Октябрьской революции и В. Ленину, которое в 21 веке подвергается переосмыслению.

Практическим материалом исследования служит русскоязычный текст «Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева, опубликованный впервые во Франции для эмигрантов. В статье подробно разбирается содержание произведения, однако, на наш взгляд, аргументация была бы более убедительной при большем количестве иллюстративного языкового материала.

К сожалению, автор не конкретизирует объем текстового корпуса, отобранного для практической части исследования, а также применяемые принципы выборки. Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно литературоведения, так и общенаучные методы анализа. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность

методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, а в перечне преимущественно представлены словари. По сути своей исследования базируется на теоретических работах Безрукова А.Н. - 5 работ из 12 теоретических.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Считаем, что термин «криптографики» содержит опечатку.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, истории отечественной литературы. Результаты исследования могут быть использованы в процессе изучения языка русской художественной литературы, в том числе особенностей функционирования прецедентных текстов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Объективация смысловых констант в прецедентном тексте («Моя маленькая лениниана» Венедикта Ерофеева)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.